

утвари, выделанные как правило с большим изяществом, вряд ли были доступны широким массам. Вообще блага римской культуры — и материальной, и духовной — существовали не для этих масс, задавленных непосильной работой и налогами, а для рабовладельцев и все более суживавшегося круга зажиточных горожан.

Покрой одежды у всех слоев римского общества был в основном одним и тем же. Разница состояла главным образом в качестве материала. Покрой римского платья, как женского, так и мужского, сохранился в основных чертах с древнейших времен. Женщины носили длинную, до пят рубашку (тунику) с рукавами, которые были, смотря по моде, то узкими, то широкими. Туника стягивалась немного выше талии поясом, который у знатных женщин был обильно покрыт украшениями из ценного металла. Поверх туники знатные женщины набрасывали шарф — широкий и очень длинный кусок материи; в холодную погоду поверх одной туники надевали другую. Мужчины также носили тунику, но только короткую — до колен, и плащ или хламиду, накинутую сзади и застегнутую на правом плече пряжкой либо булавкой. Из провинций с прохладным климатом по всей Империи распространилась мода надевать штаны: либо длинные, до самой обуви, либо короткие, оставлявшие икры открытыми. У знатных мужчин и женщин края туники, плащ и шарф были богато расшиты различными узорами. Одежда детей ничем не отличалась от одежды взрослых. Модники носили туники возможно уже, штаны в обтяжку, пояс затягивали до отказа, соревновались с модницами в обилии употребляемых ароматов и благовоний. Характер платья подчеркивался только цветом материи и украшениями. Домашнее платье было по цвету скромнее, чем выходное; монахи, неутешные вдовы, девушки, давшие обет безбрачия, носили платье темных цветов.

С конца IV — начала V века влияние варваров сказывается в быту и в одежде. В законодательстве императоров этого времени встречаем строгие запреты подражать варварам в прическе и одежде. Сидоний Аполлинарий рисует нам одеяние знатного варвара: на икрах обмотки, оставляющие ляжки голыми; короткая, до колен, подпоясанная туника; на плечах плащ зеленого цвета с красной каймой. Римские аристократы про себя насмехались над нечистоплотностью варваров, над их обыкновением смазывать свои длинные волосы прогорклым маслом, над их звериными шкурами, но кончили тем, что приспособились к победителям, оставившим им жизнь и часть имущества.

§ 3

Падение античной культуры. Упадок науки и философии. Гибель культурных ценностей. Вырождение литературы и искусства. Кризис языческого мировоззрения. Победа христианского мировоззрения. Отношение христианской церкви к языческой культуре. Августин и его «Государство божие». «Семь свободных искусств». Монастыри и их роль в спасении остатков античной культуры.

Духовная культура греко-римского мира, достигшая высокого уровня к началу нашей эры, испытывает в последние века Империи такой же глубокий кризис, как и рабовладельческое хозяйство. Эта культура

а) Одежда знатного римлянина. V в. Рис. с барельефа арки Константина

б) Знатная римлянка. Начало V в. Рис. с античного диптиха

была достоянием очень тонкого слоя рабовладельцев и лишь в самой слабой мере проникла в широкие массы. Античная школа давала только знания в области языка и литературы; естествознание и математика в ней не преподавались, так как рабовладельческое хозяйство, с его сравнительно низкой техникой, не нуждалось в этих науках. Ученые физики, математики, астрономы и т. п., которые сосредоточивались в немногих научных центрах, вроде Александрии в Египте, приобретали свои знания вне школы. С падением этих центров падает, а затем и почти исчезает самая наука. Этому немало способствовала, наряду с общим влиянием политического и экономического кризиса Империи, и христианская церковь.

Наивысшим обобщением всей античной науки была философия, которая носила, естественно, чисто языческий характер. Когда, с IV в., христианская церковь достигла в Империи господства, она, стремясь уничтожить язычество, обрушилась и на языческую философию, а тем самым и на всю античную научную мысль. Притом ученые нередко группировались вокруг языческих храмов, при которых существовали и обширные библиотеки. Таким центром был, например, храм бога Сераписа в Александрии. В 390 г. этот храм (Серапеум) был уничтожен вместе с его замечательной библиотекой по наущению епископа Феофила. В V в. погиб в той же Александрии крупнейший очаг научной мысли — Музей, и десятки тысяч томов его библиотеки. Дело не обходилось и без убийств отдельных ученых. В 415 г. толпа христиан, подстрекаемая духовенством, убила знаменитую женщину-философа Ипатию. Дольше всего держался центр античной научной мысли в Афинах, где существовала Высшая философская школа. Но в 529 г. и этот центр, по требованию церкви, был закрыт императором Юстинианом, а ученые вынуждены были бежать в Персию.

Но к этому времени античная наука, возвращенная рабовладельческим обществом, окончательно выродилась и стала совершенно бесплодной. С IV в. она уже не в состоянии выдвигать какие-нибудь оригинальные идеи, давать нечто новое. Последние языческие ученые и философы только собирают, объясняют и излагают произведения своих предшественников. Но и на этой работе лежит печать вырождения. В науку и философию проникают различные суеверия, вера в чудеса, в нелепые басни. Падают и такие виды научно-литературного творчества, как история, древнее искусство красноречия (риторика) и т. п. После Аммиана Марцеллина (умершего в конце IV в.) уже нельзя назвать ни одного крупного языческого историка.

Не лучше обстояло дело и с художественной литературой. Самым крупным прозаиком IV в. считается К. Аврелий Симмах, автор многочисленных писем и речей, в которых прославляются римские императоры. Все эти произведения удручают своей бессодержательностью. В них нет ничего, кроме пустых напыщенных фраз. Приблизительно на таком же уровне находится и поэзия, представленная именами Авзония, Клавдиана и Рутилия (конец IV — начало V в.). Все они писали на искусственном, манерном латинском языке, который был непонятен большинству их современников. Христианские писатели той же эпохи заслуживают гораздо большего внимания, так как они, по крайней мере, закладывали основы нового, феодально-католического мировоззрения. Таков Августин, автор 22 книг «Государства божия» и знаменитой «Исповеди»; Иероним, переводчик Библии на латинский язык («вульгата»); поэт Пруденций, сочинивший многочисленные гимны, которые вошли в католическое богослужение; Амвросий Миланский, который не только писал текст церковных гимнов, но и перекладывал свои стихи на музыку. На греческом языке наиболее выдающимся христианским писателем был Иоанн Златоуст, отличавшийся исключительным красноречием. Но и эти авторы, ушедшие целиком в религиозные интересы, не меняют общей картины упадка литературы.

К тому же они по характеру своего творчества принадлежат более средним векам, чем античному миру, в период гибели которого они жили.

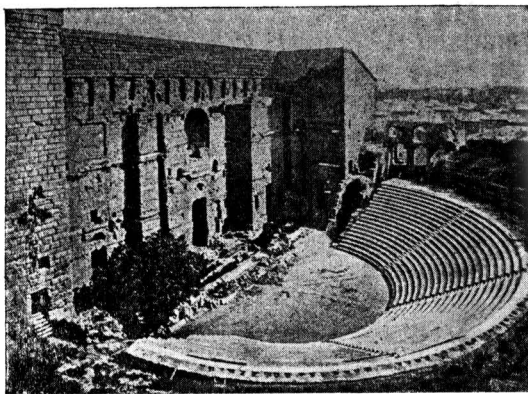
Архитектура, живопись, скульптура и многочисленные виды декоративного искусства (керамика, изделия из стекла, дерева, кости, драгоценных металлов, эмали, мозаика) гибнут или вырождаются еще раньше, чем литература и поэзия. Архитектура была убита уже экономическим кризисом III в.

Здания, возведенные при императоре Константине (начало IV в.) были настолько плохи, что скоро разваливались. В последующее время строятся главным образом церкви — по однообразному плану римской базилики. Базилика — это прямоугольное здание, одна узкая сторона которого имела дверь, а противоположная образовывала полукруглую нишу (абсида). Прямоугольное помещение называлось нефом (кораблем); обычно оно делилось двумя продольными рядами колонн на три нефа. Вблизи абсиды этот прямоугольник пересекался поперечным нефом (трансепт), концы которого выступали за стены основного корпуса здания. Таким образом, по плану оно напоминало крест. Средний неф был выше боковых; в верхней части его стен прорезались окна; он был покрыт двускатной кровлей, черепичной или металлической. Кровля боковых нефов была односкатной. В средние века базилика получила дальнейшее развитие и легла в основу так называемого романского стиля.

Вырождению античной рабовладельческой культуры соответствовало разложение языческого мировоззрения.

Экономический кризис, революция рабов, проникновение варваров в армию и государственное управление, опустошительные вторжения варваров, бессилие императорской власти и господствующего класса справиться со все возрастающими трудностями — все это приводило рабовладельческую интеллигенцию в полное смятение. Все прежние устои жизни были поколеблены, ничто не казалось прочным; настоящее было ужасным, а будущее сулило рабовладельческому обществу и его культуре еще большие бедствия. Языческое мировоззрение, выросшее в иных условиях, не в состоянии было дать ответ на волнующие вопросы: куда идет Рим? отчего падает его могущество? где искать спасения? как жить в условиях варварского засилья?

Только в христианстве можно было в то время найти успокоение. «Отцы» христианской церкви учили: Рим падает за грехи, его сыны и дочери погрязли в пороках и всякой языческой скверне. Варвары не заражены этими пороками, и бог передает в их руки могущество. Недаром множество людей бежит от грабительства римских чиновников, от насилий и жадности аристократии к варварам, предпочитая рабство у варваров званию римского гражданина. Так писал в V в. Сальвиан, священник из Марсея (Галлия). Рим угнетал побежденные народы; при варварах жизнь будет не хуже. Их дикость смягчается, они переходят к земледелию. Победы варваров имеют даже хорошую сторону: благодаря их поселению в Империи среди них быстрее распространяется свет христианского учения. Так писал в том же столетии испанский священник Орозий.

Развалины римского театра в Оранже

Но наиболее общий ответ дал учитель Орозия «святой» Августин, епископ г. Гиппона (в северо-западной Африке). То, что гибнет, писал он в своем знаменитом произведении «О государстве божьем», это мирское государство, т. е. общество безбожных, высокомерных, себялюбивых людей, отмеченных каиновою печатью. Зато останется жить и удостоится вечного блаженства государство божье, т. е. общество «добрых», верных сынов христианской церкви. Таким образом, если даже Империя погибнет, это не имеет решающего значения: ведь церковь останется.

Сам Августин является интересным образцом интеллигента-рабовладельца эпохи идейного разброда и культурного кризиса. Он долго метался в поисках «истины», переходя от одной системы языческой философии к другой, пока не решил всех своих сомнений с помощью христианства. Но и приняв христианство, он остается защитником рабства и других форм общественного неравенства. Он доказывает в своих произведениях, что эксплуатация человеком человека угодна богу, как наказание за грехи. Поэтому Августин на многие столетия остался важнейшим авторитетом церкви, которая в эпоху рабства поддерживала рабовладение, а в эпоху феодализма — крепостничество.

Христианские писатели IV—V вв., почти все, подобно Августину, вышедшие из рядов рабовладельческой аристократии, не могли быть враждебны огульно всем достижениям античной культуры. Они сами получили образование в языческой школе, воспитались на языческой литературе и философии. Образованные люди были нужны церкви для идейной борьбы с язычеством, с многочисленными ересями, т. е. отклонениями от общепризнанного церковного учения. Особенно опасны были ереси, которые группировали вокруг себя всех недовольных существующим строем и церковью, которая этот строй всемерно поддерживала. Так, манихейская ересь выступала против государства, общественного неравенства и собственности. Донатисты стремились очистить церковь от светских интересов, изгнать из нее епископов и священников, которые не отличались высокой нравственностью. Учение пелагиан приводило к мысли о ненужности церкви вообще, так как вечное спасение зависит не от принадлежности человека к церкви, а от его поведения. Августин, наиболее отличившийся в деле борьбы с различными ересями, особенно подчеркивал в связи с этим необходимость хорошего знакомства с литературой, грамматикой, риторикой и даже естественными науками. «Не следует презирать хорошее, хотя бы оно было высказано язычником», — поучал он.

Вот почему церковь, вначале способствовавшая разгрому языческой культуры, сделала потом все, чтобы спасти и сохранить ее остатки.

Основным источником знаний в древности, как и во все времена, являлись книги. Древний мир знал только рукописную книгу, которая «издавалась», естественно, в ничтожном количестве экземпляров. Гибель мировых библиотек, вроде Александрийской, и разграбление городов варварами приводили, таким образом, к полному исчезновению многих научных трудов и произведений художественной литературы. Чтобы спасти обломки научных знаний, нужно было суммировать, объединить их хотя бы в одном произведении; чтобы спасти наследие античной литературы, нужно было организовать переписывание книг и их хранение в безопасном месте. Первую задачу выполнили отдельные представители церкви: в начале V в. — земляк Августина Мартиан Капелла; в VI в. — Бозций и Кассиодор; в VII в. — испанский епископ Исидор Севильский. Вторую задачу решили монастыри.

Мартиан Капелла в девяти книгах своего сочинения «О браке Филологии и Меркурия» дал сводку всех уцелевших знаний античности, сгруппированных в виде «семи свободных искусств». Бозций и Кассиодор разде-

лили эти «свободные искусства» на две ступени: тривиум, куда входили грамматика, риторика и диалектика, и квадривиум, включавший геометрию, арифметику, астрономию и музыку. Грамматика давала не только различные правила, но и отрывки из античных авторов с пояснениями к ним. Риторика обучала искусству красноречия и умению применять в письме различные украшения речи, так называемые «фигуры». Диалектика сводилась к учению о правильных выводах из данных посылок, она ничего общего не имела с нашим представлением о диалектике и являлась по существу формальной логикой. Под арифметикой разумелся простейший счет, включавший действия сложения и вычитания. Астрономией называлась «наука о движении небесных светил», особенно луны. Обе эти науки — астрономия и арифметика — нужны были церкви для вычисления сроков наступления подвижных праздников, для составления христианского календаря. Геометрия была собранием отрывочных сведений по географии и космографии: в ней давалось также понятие о треугольниках, и она поэтому считалась необходимой «для построения храмов». Наконец, музыка сводилась к умению сочинять богослужебные песни и петь псалмы в церкви. Такова, в основном, эта система «искусств», которые умирающая античность завещала средним векам и которые преподавались в школах и университетах вплоть до XVI в.

Легко видеть, что «науки» приняли, таким образом, чисто церковный характер; в дальнейшем они еще более были переработаны так, чтобы служить исключительно потребностям церкви. Над «семью свободными искусствами» было поставлено, в качестве высочайшей «науки», богословие; философия, т. е. вся совокупность наук, была провозглашена «служанкой богословия». Вместе с тем самое образование сделалось привилегией духовенства.

«Средневековье, — пишет Энгельс, — развилось из совершенно примитивного состояния. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию и начало во всем с самого начала. Единственное, что средневековье взяло от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утерявших всю свою прежнюю цивилизацию городов. Следствием этого было то, что, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополию на интеллектуальное образование получили попы и что само образование приняло преимущественно богословский характер»¹.

Наиболее важную роль в сохранении остатков античной культуры сыграли монастыри. Монастыри появляются впервые в III—IV вв. на Востоке — в Сирии и Египте. Это были общежития людей, уходивших из городов «в пустыню», подальше от «мирских соблазнов», чтобы «спасти душу». Вполне понятен успех монастырей в эпоху, когда беспокойная жизнь в миру утрачивала привлекательность даже для многих представителей имущих классов. Вообще же, как указывает Энгельс, «монастыри были ненормальными общественными организмами, в основе их

а) Римская женщина IV в.
Рис. с барельефа арки
Константина
б) Слуга. IV—V вв.
Рис. с античного диптиха

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

лежало безбрачие»¹. Руководящие церковные круги поняли значение монастырей для укрепления влияния церкви и увеличения ее материального имущества. Суровая монашеская дисциплина, вполне действенная на первых порах, создавала сплоченные объединения людей, не имевших никаких других интересов, помимо интересов церкви, — своего рода боевые отряды «воинствующей церкви». Объединения монахов даже назывались на языке того времени военными отрядами («схолами»). Монастырские уставы требовали «послушания и смирения», т. е. беспрекословной покорности монастырскому начальству, отказа от личной собственности, которая поступала в распоряжение монастыря, и обета безбрачия. Большинство уставов, в том числе и наиболее популярный на Западе устав Бенедикта Нурсийского, заключали еще один важный пункт — требование обязательного для всех монахов труда, умственного или физического. Вводя этот пункт, основатели монастырей преследовали прежде всего цель — сохранить монашескую дисциплину. «Праздность, — пишется в уставах, — опасна для души». Непрестанный, часто изнуряющий тело труд должен был предохранить душу монаха от мирских соблазнов, от «козней дьявола». В рабовладельческом обществе «труд свободных морально презирался»², в монастырях он становился обязанностью. Благодаря этому монастыри сделались в первые столетия средневековья центрами образцового для того времени сельского хозяйства.

Впрочем, в наиболее раннем уставе Бенедикта, выходящем из рабовладельческой римской аристократии, еще сохраняется некоторый оттенок пренебрежения к физическому труду, и на первый план выдвигается труд умственный. «Если же кто, — сказано в его уставе, — настолько нерадив, что у него не будет охоты или способности читать либо научиться чтению, то ему должна быть поручена другая работа, дабы он не оставался без дела». Таким образом, больше всего поощрялся труд чтения или переписывания книг. Наряду с богослужебными книгами, монахи украдкой или открыто занимались переписыванием и изучением языческих поэтов, философов и историков. Им принадлежит заслуга сохранения многих произведений античного мира. Переписывая книги, они создают в монастырях целые библиотеки. Средневековье в течение многих столетий не знало никаких других библиотек, кроме монастырских.

Особенно много в этом отношении сделали ирландские ученые монахи VI—VII вв. Ирландия, находящаяся на самой окраине греко-римского культурного мира, не была затронута волнами варварских вторжений. В V в. сюда бежали последние представители античной образованности, унося с собою греческие и латинские рукописи. Ирландские монахи не только переписывали, хранили и изучали попавшие в их руки книги, но и распространяли их на Западе. Из одного ирландского монастыря вышел в VI в. знаменитый ученый монах и миссионер Колумбан, который со своими учениками занимался обращением в христианство населения Галлии, а затем основал на севере Италии монастырь Боббио, один из крупнейших центров хозяйственной и литературной деятельности в раннее средневековье. Его ученик Галл основал не менее знаменитый в летописях церковной образованности Сен-галленский монастырь у Боденского озера, в Швейцарии.

Появление монастырей, сохранявших остатки древней культуры, было как нельзя более своевременным. В V—VI вв. разрушение культурных ценностей приобретает катастрофические размеры. Города, которые в глазах варваров и поработанных масс были прежде всего центрами рабовладения и административного гнета, подвергаются безжалостному унич-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 131.

² Там же, стр. 127.

тожению. Гунны разгромили до 70 городов на Балканском полуострове; бургунды, вестготы и аламаны сожгли не менее 60 городов Галлии. Англосаксы превратили в груды развалин города, построенные римлянами в Британии. Чрезвычайно пострадали Италия, Испания, северо-западная Африка, где одни города совсем исчезли, другие утратили большую часть населения, все свои богатства, лучшие здания. Рим только в течение V в. был разграблен дважды: в 410 г. вестготами, в 455 г. вандалами. К концу VI в. его население уменьшилось с 500 тыс. до 50 тыс. душ. В Риме, как и в других частично уцелевших городах, многие памятники и общественные здания разрушались самим населением, которое употребляло добытый таким путем материал — кирпич, камень, гипс и т. д. — для постройки домов и укреплений. Роскошные виллы римских магнатов, само собою разумеется, еще в большей степени, чем города, становились жертвами народной ярости. Рабам и колонам помогали варвары-завоеватели. Аланы и вандалы в Африке, готы и лангобарды в Италии, гунны, авары, славяне на Балканах и в Паннонии до основания разрушили деревенские дворцы-крепости римских аристократов и расправились с их владельцами. Мосты, водопроводы и другие сооружения, для поддержания которых уже нельзя было выгонять тысячи колонов и рабов, пришли в полный упадок. От великолепной сети римских дорог, достигавшей 160 тыс. км, остались к VII в. лишь жалкие остатки. Не только сухопутные, но и речные и морские пути сделались почти недоступными для торговли: разбойники и пираты кишели всюду. В связи с этим, и без того замиравшая торговля между различными частями Империи почти прекращается; потребность в морском и речном флотах исчезает. К тому же не стало рабов, приводивших в движение большие гребные корабли римлян. Уже в V в. один писатель отметил этот факт. «Судовладелец, — пишет он, — который раньше оснащал шесть больших кораблей, теперь счастлив, если у него осталась одна маленькая барка». Прекратили работу верфи, заглохли прежде оживленные порты. Прекращение или резкое сокращение связей между странами средиземноморского мира ускорило окончательное крушение античной культуры.

